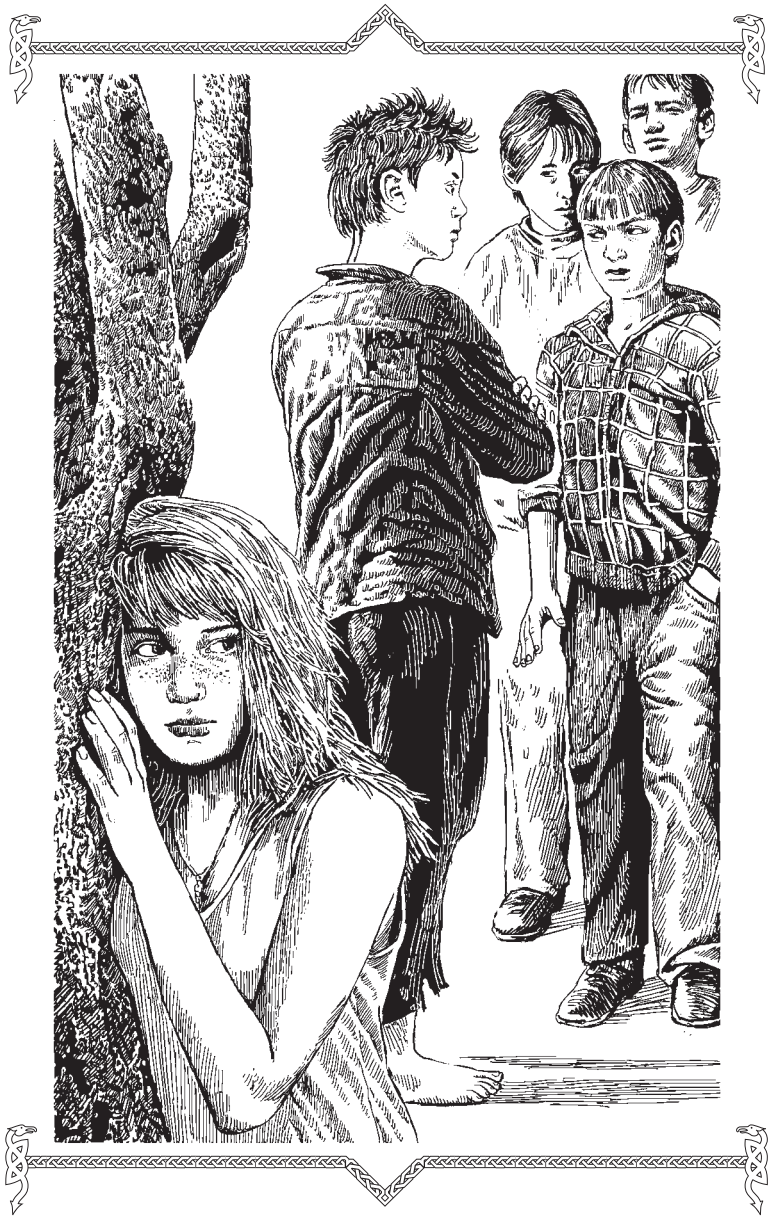

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Антона Демченко
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ВОЗДУШНЫЙ СТРЕЛОК. БОЯРИЧ
ВОЗДУШНЫЙ СТРЕЛОК. УЧИТЕЛЬ
ВОЗДУШНЫЙ СТРЕЛОК. ГРАНД
НЕБЕСНЫЙ БРОДЯГА
ОХОТНИК НА ДУХОВ

АНТОН ДЕМЧЕНКО

ОХОТНИК
НА ДУХОВ

Роман

Москва, 2016
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Д30

Серия основана в 2004 году
Выпуск 614

Художник
С. А. Григорьев

Демченко А. В.

Д30 Охотник на духов: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 314 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2237-1

Тако-Прибрежный — портовый город, и, как любой порт, это не лучшее место для малолетних беспризорников... но идеальное место жительства для Кота.

Странный черноволосый, вечно босой мальчишка давно заставил считаться с собой сверстников в здешних трущобах... и благодаря своему дару основательно прижал мистических созданий. А если не он, то кто? Бойцы-стихийники правящих кланов не интересуются происходящим в беднейших кварталах. Для них район Бокко словно бы и не существует вовсе. А свято место пусто не бывает, и трущобы стали охотничьими угодьями для малолетнего охотника на духов. Впрочем, растет Кот, растут и угодья. И любопытство уже заставляет его облизываться на другие территории. Например, на севере Империи Майского архипелага есть местечко с заманчивым названием Остров Тысячи Духов. А что там? Интересно же!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Демченко А. В., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2237-1

ПРОЛОГ

Сон... Дети во сне летают и смеются, взрослые переживают собственные проблемы, а старики... Не знаю, не могу говорить за все «пескоструйные машины», но для меня сон — это возвращение к жизни. Запахи, которых мой старый сизый нос уже давно не ощущает; краски, которых не видят мои слезящиеся полуслепые глаза; звуки, прелесть которых уже давно недоступна моим глухим ушам... Все это возвращается только во сне. А наяву... О нет, явь полна других радостей, но они приправлены горечью времени. Гордость за детей сильных, уверенно шагающих вперед, соседствует с сожалением о том, что мать не видит, как высоко взлетели ее птенцы. Восторг от первых самостоятельных решений внуков никак не может избавиться от тяги поправить, подсказать им верное решение в их забавных и пока еще таких наивно-чистых порывах... И грусть. Грусть от того, как быстро меняется этот мир, и... каждое его изменение сопровождается еще одним пустым гостевым креслом на дне рождения, о котором давно не хочется вспоминать. С каждым годом этих пустых мест вокруг все больше и больше. И в очередной «праздник» дети отводят глаза, жалея старое больное сердце. «Он не смог: ты же знаешь, дорога в вашем возрасте так тяжела... Она в санатории: ей нужен морской воздух, а Верочка нашла замечательное место в Коктебеле», — натужно улыбаясь, вразнойбой говорят они, забывая, как в детстве отхватывали хворостиной по заднице за куда меньшую ложь. Обмануть родителей? Пф! Не смешите...

Но я не могу, не имею сил и желания хватить рукой по столу и пригрозить все той же хворостиной. Туман отнима-

ет все силы, погружает в топкую бессмысленную апатию... засасывает болотом. И остается только улыбаться, радоваться их жизни, продолжению себя и ушедшей любимой, видя ее в их глазах, движениях, жестах и смехе, и устало ждать прихода сна. Яркого, теплого... может, последнего.

Фыркнуть от попавшего в глаз солнечного зайчика, подскочить, заслышав шорох в сваленных у стены картонных коробках, и, уловив голодное урчание в животе, ринуться на поиски еды, морща нос от забивающих его городских запахов раскаленного асфальта и бензина от пролетающих по улице машин. А потом, после завтрака, вытянуться на нагретом за день камне невысокой, но такой удобной и широкой парковой ограды и шуриться на алый свет заходящего солнца, отражающийся в водах пруда, да изредка лениво поглядывать на разгуливающих по парку людей. Или, уже вечером, устроившись под навесом все из тех же картонных коробок, лениво наблюдать, как дождь накрывает город, барабанит по крышам домов и вода, собираясь в стремительные ручьи, подгоняемая ветром, несется по улицам, даря свежесть и прохладу после знойного дня... Р-р-ря!!!

Утирая заливающую глаза дождевую воду, Имма свернула в ближайший переулок и, в который раз проклиная свое любопытство, втянувшее ее, такую умную и взрослую десятилетнюю девочку, в очередные неприятности, попыталась разогнаться. Но топот за спиной не стихал. Мальчишки в этом бедном квартале, оказывается, бегают куда быстрее, чем даже ее давно занимающиеся боевыми искусствами знакомые из Сейны. А тут еще этот дождь и решетка высокого забора впереди. Тупик!

Девочка закрутила головой в поисках хоть какого-нибудь выхода и, поскользнувшись на залитой водой бетонной заплатке, полетела наземь, угодив прямо в кучу каких-то коробок, сваленных у самого забора. Пустых коробок, к счастью. А в следующую секунду уши девочки заложило от громкого то ли рева, то ли мява, в котором потонул

даже хохот догонявших ее мальчишек, ставших свидетелями полета Иммы. Беглянка почувствовала, как под ней что-то зашевелилось, и, тихонько пискнув, постаралась отползти в сторону. Она тут же припомнила байки старших ребят о живущих в подворотнях бедных кварталов гигантских крысах и, в страхе зажмурившись, забила руками и ногами вокруг себя. Вот нога девочки впечаталась во что-то мягкое, и тут же с той стороны послышался тихий «ох!». Крысы так не умеют. Имма осторожно приоткрыла один глаз и облегченно вздохнула. Там, где она ожидала увидеть отвратительную серую морду, поднимался на ноги хмурый, но совершенно обычный мальчишка лет одиннадцати-двенадцати на вид. В вытертых до белизны джинсах и неожиданно чистой, белой, но уже стремительно темнеющей от дождя майке, худощавый, со всклокоченными черными как смоль волосами, он сверкнул в сторону Иммы недовольным взглядом янтарных глаз и фыркнул.

— Разбудили, намочили, даже побили. Ну нигде от них покоя нет. — Хмурый взгляд уперся в подошедших мальчишек. И Имма, удивившись, заметила, что ее «загонщики» находятся в явном смущении и совершенно точно с опаской поглядывают на этого босоногого мальчишку со странными глазами.

— Кхм... Кот, извини, мы тут, это, играли, — переминаясь с ноги на ногу, промямлил заводила охотников, крепкий для своего возраста паренек. Имме было странно видеть, как лидер гнавшей ее через весь квартал компании, сильный и высокий, на полголовы возвышающийся над своим собеседником, робеет перед этим худым мальчишкой. — Извини, что, ну, не дали тебе отдохнуть. Мы ж не со зла, и это, мы пойдем, а?

— Куда? А девчонка?

Но мальчишек уже и след простыл. Кот вздохнул и сморил Имму долгим взглядом.

— Так. Чистенькая, богатенькая, испуганная. Вывод: не местная. И что мне с тобой делать?

Часть первая СТРАННЫЙ

Глава 1 ПРОГУЛКИ И ЗНАКОМСТВА

Наблюдая за желтоглазым мальчишкой, действительно чем-то похожим на недовольного взъерошенного кота, Имма съежилась. Сходила посмотреть на выступление уличных актеров, называется. И что теперь будет?

Девочка судорожно вздохнула, чувствуя, как ком подкатывает к горлу, а глаза застыли слезы. Она попыталась сдержаться, вспомнив наставления отца, но соленые капельки все равно сорвались с ресниц и покатались по щекам, оставляя на них мокрые дорожки.

— Вот ведь... — Мальчишка взлохматил и без того пребывающие в беспорядке длинные волосы и, решительно ухватив Имму за руку, потянул на себя. Так что в следующую секунду девочка уже оказалась на ногах. — Где живешь, мелкая?

— В... в Сейне, — со всхлипом выдавила она. — Я не мелкая.

— Расскажешь мне это лет через десять, — фыркнул в ответ мальчишка и, окинув ее взглядом, покачал головой, после чего парой резких уверенных жестов отряхнул ее белоснежную кожаную курточку и брюки от грязи и, как-то по-взрослому хмыкнув, махнул рукой. — Ладно, сойдет для сельской местности... Идем.

— К-куда? — тут же напряглась Имма.

— Домой тебя провожу. Одна не дойдешь, обязательно во что-нибудь вляпаешься, — устало пояснил мальчишка и потянул Имму за собой, напрямиком к забору. Девочка сначала было притормозила каблучками туфель, заслужив

очередной недовольный взгляд от желтоглазого, но тут до нее дошел смысл сказанного, и Имма, тихо вздохнув, перестала упираться.

Оказавшись у самого забора, мальчишка вдруг подхватил Имму на руки и, на миг присев, совершил самый головокружительный прыжок, который девочка когда-либо видела. Нет, кое-кто из взрослых может и повыше прыгнуть, но то взрослые воины в боевом трансе, а здесь обычный двенадцатилетка?!

— Так быстрее будет, да и не надо тебе в нашем квартале светиться. И мне с тобой заодно, — пояснил этот Кот, спрыгнув с забора на другую сторону и поставив ошеломленную девочку наземь.

Имма неуверенно кивнула и последовала за мальчишкой, стараясь не отпустить его руки. Замелькали узкие переулки, затянутые веревками с сохнувшим, точнее, мокнувшим бельем, переходы и какие-то гулкие железные лестницы. Потеряться в этом лабиринте было куда проще, чем даже в хитросплетении улочек Старого города, но проводник уверенно тянул Имму за собой, прекрасно ориентируясь во всех этих поворотах, спусках и подъемах. А через десять минут таких петляний они вдруг вынырнули на широкую, сияющую сотнями только что зажегшихся огней улицу. Храмовый проспект!

Повернув голову влево, Имма радостно улыбнулась. А вон и сам храм! Отсюда она уж точно помнит дорогу домой. А значит...

Только мальчишке, кажется, не было совсем никакого дела до ее узнаваний. На ходу выслушав речь Иммы, он только фыркнул и, по-прежнему не отпуская ее руки, потянул к подземному переходу.

— Нет уж, мелкая, доставлю до Сейны, — отрывисто проговорил он и добавил тише, словно оправдываясь: — Еще не хватало, чтобы с тобой что-то случилось по дороге и твои родители подняли шумер в моем районе. У нас, зна-

ешь ли, и без клановых бойцов проблем хватает. Так что держись за руку и пошустрее перебирай ногами.

Остановились они, лишь добравшись до ворот, ведущих в Сейну — богатейший район города, — да и то лишь потому, что мальчишка заметил затянутых в темные костюмы охранников, расхаживающих у въезда. И словно в насмешку над промокшими детьми сопровождавший весь их путь дождь вдруг прекратился, а по разбегающимся тучам полоснули последние лучи закатного солнца.

— Тоже мне секрет сервис, — непонятно фыркнул мальчишка, заметив охрану, на миг задумался и, повернувшись к Имме, поинтересовался: — Дальше-то дорогу помнишь?

— Мм... да, конечно, — замявшись, пробормотала она.

Желтоглазый хмуро кивнул и, отпустив ее руку, развернулся, чтобы уйти. Имма бросила взгляд на ворота и с интересом наблюдающих за ними охранников, потом на прямую спину уже удаляющегося от нее босоногого паренька и почувствовала, как щеки алеют от стыда. Он ведь ей помог! Избавил от тех мальчишек, довел до дома. Имма решительно трянула кудряшками, глубоко вздохнула и, в два шага догнав его, схватила за руку.

— Идем! Со мной они тебя пропустят.

Желтые глаза несколько секунд рассматривали маленькую ладошку, обхватившую его запястье, а потом взгляд скользнул в сторону.

— Хм, любое дело надо доводить до конца. Правильно? — словно убеждая самого себя, пробормотал мальчишка и, кивнув, аккуратно перехватил ладошку Иммы своей ладонью. — Идем.

С охраной и в самом деле не возникло никаких проблем. Стоящий у ворот суровый мужчина разве что бросил несколько удивленный взгляд поверх затемненных очков на босые ноги мальчишки, сопровождающего маленькую жительницу Сейны, но и только... Впрочем, в том, что он не преминул сообщить о госте района своему начальству, у

Иммы сомнений не было. Ну и ладно! В конце концов, кому какое дело, что за гости приходят к семье Рона?

Оказавшись в знакомой обстановке, Имма успокоилась, к ней вернулась столь старательно воспитываемая матерью гордость, и маленький носик тут же задрался вверх... на секундочку.

Сверкнул насмешкой взгляд спутника, и девочка тут же смущенно зарделась. А через пару минут перед ней возникли знакомые каменные львы, сидящие на воротных столбах родного дома. Створки тут же раздались в стороны, и за ними обнаружился Химм.

— Ой! — Имма съежилась и непроизвольно прижала свободную руку к пятой точке, завидев хмуращегося наставника, но, тут же вспомнив уроки матери, выпрямилась и, стрельнув глазками в сторону своего невозмутимого спутника — не заметил ли? — улыбнулась наставнику и затараторила:

— Дядя Химм, я вернулась. Позволь представить тебе моего друга... — Если бы Имма не была так увлечена, она заметила бы удивление, тенью скользнувшее по лицу мальчишки, но сейчас у нее была другая задача: нужно заболтать наставника, чтобы тот не вспомнил о розгах. — Его зовут Кот! И он очень сильный и добрый.

Вот тут удивление появилось уже и на лице Химма. Столкнувшись взглядами, он и мальчишка одновременно воззрились на улыбающуюся Имму и так же одновременно хмыкнули.

— Ну что ж, друг Иммы — друг семьи Рона... Проходите, будьте гостем в нашем доме, уважаемый... Кот. — Намек на улыбку коснулся уголков губ старого наставника, и он поосторонился, пропуская Имму и ее нового друга на территорию владения.

На этот раз проводником в их компании стала девочка. Она уверенно повела своего спутника в глубину огромного сада, и через несколько минут, миновав декоративный мостик над рукотворным ручьем, они оказались у широкой

веранды просторного деревянного дома с белыми ставнями на огромных окнах.

Но стоило Имме с Котом подняться на веранду, как одна из ставен распахнулась и из-за нее навстречу детям вылетела высокая рыжеволосая девушка в просторном домашнем платье-дори и, всплеснув руками, тут же закружила вокруг них.

— Вы же промокли насквозь! Имми, сестренка, где ты была? Мы тебя уже успели потерять! Дождь шел, солнце уже село... вечер, а тебя все нет и нет! Мама даже хотела отослать на поиски людей наставника Химма! — От легких пассов девушки вокруг детей поднялся теплый ветерок, но, учитывая, что она продолжала кружить, создавалось впечатление, что это от самого ее движения поднимается ветер, треплющий одежду и волосы замерших на месте ребят.

— Итта, прекрати уже! — топнула ногой девочка, пытаясь остановить этот поток слов и заслужив тем самым недоуменный взгляд своего спутника и умиленную улыбку сестры. — Со мной все в порядке. Засмотрелась на выступление уличных актеров, а потом немного... заблудилась. Вот Кот и помог мне найти дорогу и проводил до дома.

— Так, стоп. Не заговаривай мне зубы. — Девушка взмахнула рукой, и ветер послушно стих. — Расскажешь все за ужином. А теперь, раз вы уже сухие, идите в дом, я осмотрю вас. Не хватало, чтобы вы еще простыли после прогулки под дождем. Ну же... шагайте, оба.

Кот не сдержал легкой ухмылки, и Имма, заметив ее, пожала плечами.

— Моя старшая сестра Итта, — со вздохом сообщила она своему молчаливому другу и, подумав, добавила: — Бойся ее. Она всегда такая, если рядом нет дяди Химма или ее разлюбозного Оррина.

— Имма! — чуть покраснев, воскликнула та и решительно подтолкнула детей ко входу в дом. — Что ты несешь, мелочь!

— Так, заканчивайте балаган и дайте мне познакомиться с избранником моей младшей дочери.

Услышав эти слова, произнесенные знакомым голосом, Имма насупилась, краснея вслед за сестрой. Такие утверждения из уст отца смутили ее не меньше, чем крики «тили-тили-тесто» ребят в школе про одноклассников Финну и Иттера. А тут еще и сестренка хихикает. Ну вот как так можно, а? Что о ней подумает Кот?!

Имма взглянула на своего невозмутимого спутника и облегченно вздохнула. Кажется, ничего страшного... А вот и отец.

Возникший на пороге высокий подтянутый мужчина в светлом льняном костюме легко скользнул вперед и, окинув моментально примолкших сестер суровым взглядом, уставился на гостя. А тот, ничуть не смутившись, ответил взглядом таким же — прямым и спокойным. Янтарно-желтым против пасмурного серого.

Имма забеспокоилась. Очень немногие могут выдержать изучающий взгляд отца. Но через минуту девочка улыбнулась. Ее новый друг с легкостью прошел это испытание. Даже сестренка под давлением отцовской силы чуть подалась назад, а в фигуре и взгляде Кота не было даже намека на напряжение.

— Добро пожаловать в дом Рона, юноша, — сказал отец, отпуская свою силу, и повел рукой, пошире открывая ставню.

А Кот удивил. Неожиданно, вскинув голову, мальчик приложил правую руку к сердцу и резко кивнул:

— Пусть духи будут благосклонны к этому месту.

Тихий ровный голос едва замолк, как легкое дуновение силы волной разошлось в стороны, и тут же от скрытых вечерними тенями кустарников послышалось пение цикад.

— Ой. — Имма почувствовала, как на ней скрестились взгляды отца и сестры, и тихонько проговорила: — Я не знала. Честное слово.

Мальчик перевел непонимающий взгляд с Иммы на сестру, потом на отца. Не понимает, что произошло? Или не знает?

— Хм... — Отец неожиданно усмехнулся и, кивнув гостью, молча скрылся в доме.

— Вот умеешь ты, сестренка, добавить этой жизни перца, — хихикнула Итта, подталкивая детей. — Идемте.

Ры-ыбка! Как-то незаметно для себя очутившись за обеденным столом в доме Иммы, я мысленно облизнулся. Ну не зря же меня на улицах Котом прозвали, хотя любовь к рыбке была, конечно, не единственной и даже далеко не основной причиной появления этого прозвища. К сметане, например, я так и остался довольно равнодушен, а молоко полюбил и вовсе задолго до всей этой занимательной чехарды со снами. Вообще есть у меня о-очень серьезное подозрение, что сны эти... не совсем сны. Нет, это не кошмары и не видения от той горсти таблеток, что входит в мой ежедневный рацион. Это что-то совсем другое. Достаточно сказать, что они не похожи на обычные именно своей последовательностью и логичностью. И всегда связаны одним, так сказать, местом действия. Большой город у моря с совершенно незнакомыми мне названиями улиц и неизвестными мне памятниками, с обычными машинами совершенно незнакомых мне марок и рекламой абсолютно неизвестных фирм. Язык? Да и он совсем не похож ни на один из тех, что я когда-либо слышал. Правда, это ничуть не мешает мне понимать местных жителей и читать рекламные вывески на городских улицах. В общем-то, чехарда с пониманием языка и письменности и есть одна из тех немногих вещей, что роднит происходящее с обычными снами.

Ну а кроме того, если не считать некоторой, хм, сказочности, скажем, я не чувствую себя здесь так, как это бывает в нормальных сновидениях. При всей яркости ощущений, давно недоступной моему старому телу в реальности, здесь отсутствует то, что, на мой взгляд, составляет основное качество любого сна. Нет полной свободы и ощущения вседозволенности. Так что прыжок с небоскреба не превратится в полет. Не пробовал, но точно знаю. Уверен. Хотя

некоторые вольности вполне допустимы. Правда, их я обычно обнаруживаю чисто случайно... Ну да тем интереснее.

Страх? Пф! Не смешите. Что может испугать стоящего одной ногой в могиле старика, недавно отпраздновавшего свой девяносто шестой день рождения и за долгую жизнь прошедшего, что называется, и Крым и Рым? Возвращение красок жизни... хотя бы и в таких вот странных снах? Да это счастье. Уж поверьте. И что с того, что в них я веду жизнь мелкого беспризорника или того хуже? Это же интересно, честное слово. А незнакомый мир вокруг так привлекателен, хотя за последние пару-тройку лет он стал чуть ближе, это точно. По крайней мере бедная часть того города, в котором я сплю, — да. Или бодрствую? В общем, живу, пока не засну, чтобы вновь оказаться в своем родном теле.

Да, с некоторых пор «реальность» этих снов начала расти. И если еще года три назад подобные видения были редкостью и не отличались особым правдоподобием, то чем дальше, тем более подробным, логичным и все более ощутимым становится для меня этот мир. И если цвета и звуки изначально были такими яркими и четкими, то вот запахи, вкусовые и тактильные ощущения начали нарастать лишь спустя пару лет моей реальной жизни. Зато сейчас... хм, порой мне кажется, что этот мир стал для меня куда более настоящим, чем тот, в котором прозябает мое тело в ожидании скорого конца.

Уж очень подробен этот мир. Подробен и правдоподобен, если опустить некоторые детали вроде тех выкрутасов с воздухом, что творила старшая сестра моей новой знакомой, встретив нас у входа в дом. Да и батюшка их непрост. Ох непрост...

— Мм, Кот... — Голос матери Иммы, статной женщины с выдающимися... кхм, достоинствами, заставил меня отвлечься на миг от разделывания запеченного в соли озерного карпа. Не скажу, что получалось ловко: все-таки это тело

хоть и стало давно привычным для меня, прежде не сталкивалось с таким количеством приборов на столе. Да я и за обычным-то столом в этом сне сидел раза три-четыре, не больше. Короче, были у меня определенные проблемы с управлением приборами, впрочем, довольно легко сглаживаемые за счет скорости реакции и ловкости, которые уже дважды не позволили рыбьей голове улететь в чужую тарелку. И кто им сказал, что рыбу нужно есть ножом и вилкой? Извращенцы. Пф! Стоп... меня, кажется, кто-то о чем-то спрашивал?

— Извините, я задумался. — Лучше честно признаться, чем выставить себя идиотом, пытаясь ответить на неизвестный вопрос. — Не могли бы вы повторить свой вопрос?

— Конечно. Расскажи о себе, пожалуйста, — с готовностью откликнулась мать Иммы, Ринна Рона, такая же огневолосая, как ее старшая дочь. А вот Имма — блондинка.

— Живу в Бокко, подрабатываю в забегаловке Толстого Риггара, ну и так, по мелочам. Собственно, все, — коротко отчитался я.

— А в каком классе учишься? — опередила готовую задать следующий вопрос родительницу Имма, но, как ни странно, кроме укоряющего взгляда наставника никаких санкций не последовало. Наоборот, на меня уставились сразу четыре выжидающих взгляда. И что ей ответить? У нас в Бокко только четверо ребят ходят в школу! Я же о ней вообще ничего не знаю. Впрочем, помнится, Грин, один из этой четверки, примерно моего возраста паренек... А! Да ну его!

— Я не учусь в школе, Имма.

— Везе-о-от, — тихо вздохнула девочка и, поняв, что произнесла это вслух, тут же испуганно зажала рот ладошкой. Но слово не воробей, вылетит — фиг поймает. Так что через секунду сестра и мать Иммы весело смеялись, и даже суровый отец старательно давил ухмылку. Не спорю, зрелище, конечно, комичное, но...

Поймав мой взгляд, наставник Химм, сидевший напротив, чуть качнул головой.

— Имми о-очень не любит учиться. Зубрежка ей скучна, — доверительно сообщил он. Вот как, неужто он решил, что я мог расстроиться из-за этого смеха?

— Полностью с ней согласен, — коротко кивнул я в ответ.

— Интересно. Считаешь, что сможешь прожить без образования? — тут же вклинилась старшая сестра Иммы, и в ее голосе уже совсем не было смеха. Она что, решила меня «построить»?

— Так живет бóльшая часть Бокко, — пожал я в ответ плечами. — Кроме того, я говорил не об учебе, а о зубрежке. Бесплезная трата времени.

— Кхм, вынужден согласиться с... Котом, — протянул отец Иммы. — Нынешняя система образования губит на корню любой интерес молодежи к учебе. И именно из-за того, что пытаются вбить в них некий объем обязательных знаний, не считаясь...

— Ран-дон... — Супруга главы дома покачала головой, и тот осекся.

— Кхм. Ну да... занесло. Бывает. — Рандон Рона развел руками и, покосившись на внимательно слушающую его Имму, заговорил совсем другим тоном: — Но мое недовольство системой, маленькая лай, совсем не означает, что вы можете манкировать учебой. Ясно?

— Конечно, — печально вздохнула та, опять вызвав улыбки окружающих, поток эмоций которых чуть не утопил меня в умилении. Не спорю, Имма и впрямь очаровательна в своей непосредственности, но меня-то за что?!

— Кот, а вы¹ давно живете в Бокко? — поинтересовалась мать Иммы, явно выделив вежливое обращение. При этом смотрела она на свою старшую дочь. Надо же... Итта покраснела. Впрочем, у рыжих это быстро...

¹ Форма обращения здесь приведена весьма приблизительно и дана для удобства. В местном языке она зависит от статуса. Между друзьями и хорошими знакомыми форма будет одной, между коллегами — другой, между незнакомыми или неравными по положению — третьей. Но для простоты я буду использовать привычную. За редкими исключениями...

— Сколько себя помню.

— А ваши родители?

И что мне ей ответить? Остается только пожать плечами. Опять.

— Кстати, они не будут волноваться о вашем отсутствии? Все-таки время уже позднее. — Это был заход с другой стороны, если я правильно понимаю. Хм... А ведь будь на моем месте человек постарше, он бы наверняка решил, что это намек, типа: гости, а не надоели ли вам хозяева?

— Я живу один.

— О... — Супруга хозяина на миг замерла, но, попытавшись продолжить допрос, была тут же остановлена мужем, сжавшим ее ладонь.

— Рин-на. — Ха, даже интонации одинаковые. Ринна Рона вздохнула и, наступив на горло своему любопытству, кивнула.

— Хорошо-хорошо. Но у меня предложение. Кот, если вы не торопитесь домой, может быть, останетесь сегодня у нас?

Неожиданно. Вот так запросто взять и предложить остаться в гостях беспризорнику из подворотни? В доме, где одна ложка стоит больше, чем все мое имущество? Чего-то я не понимаю. Но... отказываться не буду.

— С удовольствием. — Я кивнул, и лица Ринны и Итты отчего-то разом просветлели. А рядом со мной ударил просто настоящий фонтан радости. Имма.

— Рар-рра! — Маленький кулачок устремился вверх, и над ним расцвел настоящий фейерверк! Вот так-так. Я-то раньше думал, что на подобные фокусы только взрослые способны. Ну, или почти взрослые, если вспомнить Итту. А тут десятилетняя девчонка такие номера откальвает. Интересно-о...

— Имма! Сколько раз говорить — за столом не место баловству! — одернула мать.

— И-извините. — Девочка тут же притихла, лишь радость ее никуда не делась. Чертова эмпатия.

— После ужина покажешь Коту гостевую комнату, а Итта...

— Я отдам указания слугам, мама. Не волнуйся, — не дожидаясь окончания речи Ринны, заверила ее старшая дочь. Химм с Рандоном переглянулись, но промолчали. Хм, я и раньше замечал, что женщины здесь полновластные хозяйки дома и мужчины стараются не лезть со своими замечаниями в их епархию. Вот и очередное доказательство. Правда, в Бокко это куда более явно выражено. Вон когда Толстый Риггар попытался в очередной раз увильнуть от обязанности натаскать питьевой воды в домашний бак, жenuшка не постеснялась и скалкой по его спине пройтись. Это при том что в их забегаловке, где она принимает заказы, а сам Риггар кашеварит, Отте даже в голову не приходит перечить мужу.

Я же говорю, любопытное место...

Ужин скоро закончился, причем, кажется, я удивил хозяев дома отказом от десерта. Ну да, я и в той... в смысле, в реальности не люблю сладкого. Никогда не любил. А вот от стакана молока не откажусь. Вместо местного чая, который здесь пьют все... и бедные, и богатые, от мала до велика. Кстати, это действительно чай, а не «что-то вроде того». Хорошая штука. Был бы у меня угол попросторнее, обязательно завел себе чайный столик, но — увы, моя зимняя «берлога» слишком мала, а летом я предпочитаю жить на улице. Обычно на крыше того дома, в котором располагается забегаловка Толстого. Но сейчас там затеяли ремонт, а с других крыш меня гоняют местные жители. Боятся, что я их сохнувшее белье сопру. Идиоты.

Глава 2

«ДЕЛО БЫЛО ВЕЧЕРОМ, ДЕЛАТЬ БЫЛО НЕЧЕГО»

Поздний вечер в Тако-Прибрежном — можно сказать, ночь на дворе. Тихо шумят деревья, и из-за приоткрытых ставен, путаясь в мягких складках штор, то и дело врывается легкий ветер. Свежий после дождя, умывшего размо-

ренный от жары город, он несет с собой запахи цветущего сада и обрывки чьих-то слов...

Кто бы знал, какое это наслаждение набрать полную ванну горячей воды и отмокать в ней в свое удовольствие сколько влезет. Это не редкий душ в подсобке забегаловки Толстого, где больше десяти минут не пробудешь. Обязательно кто-нибудь из персонала начнет ломиться и орать об экономии воды, а когда выберешься, еще и заставят натаскать заново опустевшую бочку как самого младшего. А уж о настоящему горячей воде можно только мечтать. Да, летом бочка прогревается, но теплая вода — это все равно не то. Да и теплой она будет для первых двух счастливиц, а остальным придется натаскивать заново... холодной.

А зимой старый электрический водонагреватель все равно не справляется с такой нагрузкой, да и пробки выбивает со второго раза на третий. Так что зимой горячей воды мне тоже не видать как своих ушей. Нет, конечно, тот же Риггар свободно может нагреть воду в бочке одним жестом, но у него не так много сил, и те большей частью уходят на поддержание нужной температуры в духовых шкафах и на плите, не подключенных к старой электросети. В общем, не до того ему. Тем более что сам Толстый, как и его не менее обширная женушка, предпочитает мыться дома, так что до подсобки и проблем персонала с холодной водой ему и дела нет. Хотя сколько там того персонала. Две племянницы Отты, пока еще уступающие тетке в габаритах, но уже ничуть не отличающиеся от нее голосом, визгливым и пронзительным, словно бензопила на высоких оборотах. Да пара кухонных помощников, меняющихся чуть ли не каждый месяц. Ну и, собственно, я... хотя какой из меня персонал?! На кухню пускают, и то ладно. А так — подай-принеси-не мешайся-пошел вон.

Я пытался отводить душу в реальности, но не то. Старому телу по фигу, а на этом подобные экзерсисы никак не отражаются. Потому и радуюсь выпавшей возможности

насладиться горячей ванной во всей полноте ощущений, пусть и во сне.

Поправив слишком большой для меня мягкий и пушистый халат, я с удовольствием прошелся босыми пятками по огромному ковру в выделенной мне женщинами Рона комнате на втором этаже их просторного дома. На миг застыв у окна и полюбовавшись видом на освещенный неяркими огнями сад, я с удовольствием рухнул в огромное кресло и, привычно свернувшись, задремал под доносящееся из приоткрытой фрамуги тихое гудение голосов.

— Ну и что вы думаете по поводу нового друга Иммы? — протянул Рандон, удобно устроившись в шезлонге на полутемной веранде. Сидящие в таких же «креслах» поблизости Итта с Ринной переглянулись, и после короткого безмолвного диалога дочь уступила матери.

— Станный мальчик, — тихо проговорила Ринна. — Если бы дом не откликнулся на его зов, я предпочла бы отделаться от него побыстрее. Бездомный мальчишка в Сейне не лучший вариант.

— Но дух откликнулся, — столь же тихо заметил Химм, стоящий прислонившись спиной к столбу, подпирающему веранду, под единственным освещающим ее фонарем. Наставник вернул на столик опустевшую чашку и, глядя в усыпанное звездами небо, договорил: — Дому он нравится, мне тоже... адекватный паренек. Хитрый, конечно, но злобы в нем нет. Совсем.

— Хм, наставник, вы же не хотите... — чуть помявшись, заговорила Итта, на что Химм только улыбнулся.

— Я не хозяин, решать не мне. Но если тебе интересно мое мнение — я склонен подождать. Пусть поживет у нас, присмотримся друг к другу.

— Точно те же слова ты как-то сказал моему отцу об одной огневолосой девчонке, — усмехнувшись, покачал головой Рандон. — С тех пор много воды утекло, но...

Итта перевела взгляд со смеющегося отца на мать, потом взглянула на лукаво улыбающегося наставника и поперхнулась.

— Он же маленький еще! — воскликнула она, когда справилась с эмоциями. И еще один взрыв смеха разорвал тишину дремлющего сада.

— Ой, милая моя... ты так забавно возмущаешься, что мы просто не могли удержаться! — Отсмеявшись, Ринна взглянула на насупившуюся дочь и, фыркнув, успокоила ее: — Никто не собирается выдавать вас замуж за первого попавшегося босяка, будь он хоть сам Великий дух во плоти. Но и терять такие возможности, когда они сами приходят на порог твоего дома, было бы плевок в лицо своей удаче. Тем более что сейчас у нашей семьи нет своего слушающего.

— Но ты же сама сказала, что хотела бы отделаться от него побыстрее.

— Если бы он был обычным беспризорником, — кивнула мать.

Итта недоуменно потрянула рыжими кудрями, но тут на помощь пришел отец. Рандон потянулся и, не заметив понимания в глазах дочери, вздохнул.

— Итта, пора бы уже научиться разбираться в этих словесных кружевах. Мать всего лишь намекнула на возможные проблемы, сопутствующие образу жизни нашего гостя. Поверь, люди, выросшие в условиях, подобных тем, что достались на долю этого мальчишки, частенько тянут за собой груз привычек, порой неприятных для окружающих. Отсутствие родителей да и просто ответственных взрослых рядом лишает тепла и участия, а человек, не видевший доброго отношения к себе, обычно вырастает крайне недоверчивым и впоследствии, случается, сам оказывается не способен на участие. Вопрос воспитания, знаешь ли. Моральные ценности и ориентиры формируются...

— Рандон, ты опять увлекся, — коснувшись руки мужа, покачала головой Ринна, а когда тот покаянно кивнул, по-

вернулась к дочери. — Я всего лишь хотела сказать, что мальчик, оставшись у нас, может доставить неприятности, причем не по злобе, а просто исходя из своего специфического опыта. Но Химм со мной не согласен.

— Э? — Итта вновь замерла словно в ступоре. Что, естественно, не укрылось от взора Ринны.

— Ох, девочка, когда же ты научишься слушать? — вздохнула мать. — Вспомни, что сказал наставник о нашем госте, помимо того что «он интересен»?

— Мм... что Кот... адекватный? — пожала плечами Итта.

— Именно. А такие слушающие вообще... ну, не редкость, конечно, но близко к тому, — кивнула женщина.

— То есть они сумасшедшие? — уточнила Итта, моментально заслужив укоряющий взгляд матери, и замолчала.

— Нет, — вмешался Химм, перебив Ринну. Но та и не подумала обидеться. В конце концов, наставник есть наставник и именно в его обязанности входят объяснения подобных вещей. — Слушающие — не сумасшедшие. Хотя сильнейшие из них могут производить подобное впечатление. Просто общение с духами накладывает на них свой отпечаток. Да и отношение обычных людей к ребенку, общающемуся с невидимыми друзьями, не проходит без последствий. Постепенно, хотя и довольно быстро, такие дети начинают понимать что к чему или им сами духи подсказывают, и слушающие переходят на мысленно-эмоциональное общение с ними, закрываясь от окружающего мира. Слушающим тот становится просто неинтересен... и не нужен. А зачем? Ведь духи могут дать им куда больше, чем люди. В общем, найти слушающего... сильного слушающего, адекватно воспринимающего тварный мир, — большая удача. Хотя, конечно, без маленьких странностей у Кота тоже не обошлось, но это ерунда.

— Поня-атно. А как вы определили, что он хитер и лишен злобы? — поинтересовалась у наставника Итта.

— Мальчик сумел выжить в Бокко в одиночку, — пожал плечами, ответил тот. — Заставил считаться с собой свер-

стников, если помнишь рассказ сестры, имеет работу, пусть и неквалифицированную, но мы говорим о двенадцатилетнем мальчишке! Самостоятелен. Все это говорит об уме, хитрости и силе воли. Ну а то, что при этом в нем нет злости и ненависти к окружающим. Я эмпат, ты не забыла? А вообще могу заметить, что наш гость довольно скуп на эмоции. По крайней мере для окружающих.

— Защитная реакция? — тут же предположил Рандон, готовый вновь оседлать любимого конька.

— Возможно, — кивнул наставник. — Но как в этом случае быть с любопытством? Единственное чувство, которое в нем так и плещет, за исключением, может быть...

— Что? — поторопил старого эмпата хозяин дома.

— Я впервые в жизни видел человека, который так наслаждается самим фактом своего существования, — медленно проговорил Химм.

Родители Итты озабоченно переглянулись.

— Думаешь, он одержим? — после небольшой паузы хмуро осведомился Рандон.

— Нет-нет, он человек, несомненно. Мои печати не пустили бы в дом даже высшего демона, а любого мелкого беса просто испепелили бы на пороге, вместе с носителем, — покачал головой Химм. — Но знаете, почему этот мальчишка, например, ходит босиком?

— Мм... ну, может быть, у него нет денег на обувь? — выдала очевидность Итта, потакая любви наставника к объяснениям. Уж за десять лет учебы у Химма она освоила эту хитрость, не раз спасавшую от неминуемой расправы за невыученный урок. Всего-то и надо было дать наставнику выговориться, и он тут же подобрееет.

— Ну да, но при этом у него достаточно денег пусть на дешевую, но неплохую одежду, да? — усмехнулся довольный Химм, не обратив никакого внимания на промелькнувшие улыбки. — Нет, все куда проще. Ему просто так больше нравится. Честное слово, когда он шел по ковру в столовой, от него так и шибало удовольствием. Про сам

обед я и вовсе молчу. У мальчишки очень ярко выраженная чувствительность, по крайней мере в том, что касается осязания и обоняния. Я же говорю — очень, очень интересного гостя привела наша Имми.

— Маленькие странности, да, Химм? — покачав головой, тихонько вздохнула Ринна.

— Ну да, — с усмешкой кивнул наставник, наполняя кружку чаем. — Они самые.

— Что ж, я доверяю твоему мнению, Химм. — Хлопком в ладоши хозяин дома закончил обсуждение и повернулся к супруге. — Попробуем уговорить мальчика остаться у нас. Поможешь ему освоиться, дорогая?

— Думаю, возложим эту обязанность на наших дочек, и жить он будет в садовом домике, — после недолгого раздумья согласилась Ринна, тряхнув гривой роскошных рыжих волос, и договорила: — По крайней мере, пока я не буду в нем уверена.

— Ой, кот! — вдруг воскликнула Итта, увидев выглянувшую из-за среза крыши веранды черную ушастую мордочку, сверкающую зелеными огоньками глаз.

— Кот? — не понял Химм и, сделав рукой какой-то пасс, фыркнул. — Тебе померещилось. Мальчик спит!

— Да нет же, не тот Кот, а кот — в смысле, котенок! — Итта ткнула пальцем в сторону черной морды, с любопытством рассматривающей сидящих на веранде людей. — Видите?

На этот раз долго бодрствовать мне не довелось. Муть перед глазами, встревоженные голоса поблизости и знакомый писк медицинских приборов у изголовья. Кажется, понял: мое дряхлое тело вновь угодило в больницу. Что ж, вполне закономерно. В последнее время мне и на ногах-то стоять тяжело было: так что ничего удивительного. Слабость? Да, чуть больше, чем обычно, — тоже понятно. Значит, состояние ухудшилось. А вот то, что во время визита врачей и госпитализации я даже не проснулся, это дейст-

вительно нехорошо. Значит, проделано все было в экстренном порядке.

Тихий плач в стороне. Маша? Внучка... поня-атно. Кажется, мое дело — труба. Если уж наша маленькая «железная леди» не сдерживает слез.

— Док-тор, сколь-ко? — Рука изо всех утекающих сил хватается за полу прошелестевшего рядом халата. Размытое лицо замершей от неожиданности женщины... да, женщины — запах духов я чувствую.

— Вам нельзя говорить, — ровный мягкий голос, усталый.

— Дедушка! — Маша срывается с места и одним рывком оказывается рядом со мной. — Де-эда! Ты очнулся!

— Не шумите, или я выведу вас отсюда, — немного недовольства в голосе врача... наигранного недовольства. — Вашему дедушке нужен покой.

— Покой нам только снится, — раздвигаю сухие губы в подобии улыбки. — Девочка, мне недолго осталось, дай поговорить с детьми, а?

— Что вы, вам нужно отдохнуть. — В голосе врача появляются нервные ноты. Молодая еще, неопытная, точно. Сколько я их на своем веку повидал.

— Скоро отдохну, милая. — Кашель прерывает слова, и на белоснежном пододеяльнике появляются красные пятна. Ну да, этого следовало ожидать. Значит, предчувствие не врет, оно никогда меня не обманывало, да... Вытираю тыльной стороной ладони губы, и другая рука начинает шарить вокруг, и в нее тут же утыкаются мои очки, поданные внучкой. Умница. — Родители где?

Врач тихонько отходит в сторону.

— Там. И Иринка с Лешкой тоже, и дядька. И тетя Оля со своими, — заплаканная мордашка внучки кивает на входную дверь. Ну да, вчера же мой день рождения отмечали: ничего удивительного, что вся семья в сборе. Хотя подарочек я им подарил, конечно... м-да... — Позвать?

— Конечно. — Хочу кивнуть, но понимаю, что на это уйдет слишком много сил. Поберегусь. Недолго осталось.

— Де-эда...

— Зови их, егоза.

В палате становится людно. Докторица явно не в восторге от происходящего, но перечить главврачу, а по совместительству моему среднему сыну, опасается... или стесняется. Зря, он хороший человек, только женился, придурок, на своей работе. Автоматически окинув взглядом мнущуюся у окна врачуху, неожиданно легко понимаю ее смущение. Во как...

На глазах у удивленных детей жестом подзываю ее к себе, а когда не менее удивленная докторица склоняется к моему лицу, чуть не задевая весьма внушительным бюстом, усмехаюсь. О да, хороша...

— Позаботься об этом оболтусе, пока он окончательно в монахи от медицины не ушел.

Глаза женщины округляются, она краснеет и чуть ли не отпрыгивает от меня, одновременно устремляя ошеломленно-испуганный взгляд на начальника.

— Ну, ба-атя-а! — гудит этот медведь, пунцовея не хуже докторицы. Кха-ха-ха...

— Ты мне... еще поговори, — с трудом справившись с кашлем, содрогающим тело, отзываюсь я.

Докторша исчезает из палаты, провожаемая взглядами моей младшей дочери и Маши. Ну да, теперь Василек точно не выкрутится. Все визнают, все выпытают... и женят. Хорошо.

— Де-эд, мне страшно, — оказавшийся рядом младший внук смотрит мне в глаза.

— Всем страшно, Игоряша. Мы, люди, существа тха-кхакие, смерти боимся, неизвестности боимся. Зря. — Сжимаю ладошку мальчишки и улыбаюсь. С трудом, но пока получается. — Знаешь, как наши предки кха-хговорили? Пока мы есть, смерти еще нет, а когда нас нет, ее уже нет. Смерти нет, слышишь?

Внук сосредоточенно кивает, а за ним и подобравшиеся сыновья. Молодцы... надеюсь, у них хватит сил, чтобы уго-

монить женщин, когда те поймут. Темнота наплывает, размывая лица семьи, детей. И сознание словно падает в колодец. Милая, я иду...

Однако вместо встречи с почившей супругой меня ожидает рассеивающаяся темнота, открывающая черно-белый вид и миллиарды запахов и звуков. Мокрый после дождя сад, и стремительный полет сильного тела по ветвям деревьев. Бег по влажной земле — вперед, вперед, вымывая из мыслей тоску и боль по потерянной семье теперь уже точно потерянной, навсегда.

Взгляд цепляется за ползущую по ветке змею... Рывок! И сильное тело бьется и извивается, но не может вырваться. Несколько судорожных рывков чуть не сбрасывают меня с дерева, но в конце концов змея обвисает. Мертва! Охота удалась. С удовольствием вгрызаюсь в холодное тело и, чувствуя, как по подбородку стекает черная кровь, облизываюсь. Окинув взглядом огромное тело убитой твари, потягиваюсь и приступаю к пиршеству.

Утро встретило меня шумом в саду и приятной легкостью в теле. Выкатившись из оказавшегося таким уютным кресла, я, позевывая, отправляюсь в ванную и, только смыв с себя контрастным душем остатки сонливости, вспоминаю о происшедшем этой ночью. Пытаюсь проснуться, и... ничего.

Что ж. Этого следовало ожидать. А вот эмоции по поводу ушедшей жизни. Больно? Да нет. Скорее грустно, как... как от воспоминаний о жене. Светлая такая грусть и нежность. Впрочем, а чем нынешняя ситуация отличается-то? Да и детям сейчас куда хуже. Ну ничего, они справятся, я знаю. Они у нас с Катей сильные выросли, умные.

У отражения в зеркале на губах сама собой возникает гордая улыбка. Тряхнув не покорной никаким расческам шевелюрой и подмигнув своему двойнику за стеклом, я выхожу из ванной, чтобы тут же нарваться на застывшую посреди комнаты Имму. Отчаянно краснеющую Имму. Хм... наверное, не стоило мне забывать халат в кресле.

С отчетливым писком блондинка, словно заправский солдат, разворачивается через плечо на сто восемьдесят градусов.

— Там... завтрак... пришла позвать, — доносится из комнаты, пока я, вновь скрывшись в ванной, надеваю постиранные вечером и уже успевшие высохнуть трусы. Теперь джинсы и майка. Все, я готов.

— Завтрак — хорошо, — оказавшись за спиной девочки, легонько дергаю ее за собранные в хвост волосы.

— Дурак! — выдает красная, как амстердамский фонарик, блонда и, сорвавшись с места, исчезает за дверь.

От домового идут волны довольства. Ну да, конечно, этим созданиям чем больше эмоций, тем лучше. А какие они будут. Впрочем, вру. По большей части такие вот домовые... предпочитают светлые чувства. Тоски и злобы они не переваривают. Наверное, поэтому в Бокко их немного. У нас в районе с радостью как-то туговато. Зато и переродившихся тоже почти нет. А такое случается, когда домо-вой хватанет чернухи через край. То, во что подобный неудачник превращается, я и называю переродившимся или просто кошмариком. Они тоже разными бывают. Помню, нарвался я год назад на одного такого, в старой больнице он жил. Сильный был гад — отожрался на чужой боли так, что и сам начал из пациентов силы тянуть. Собственно, меня туда и позвали, когда стало ясно, что еще чуть-чуть — и больницу прикроют из-за повышенной смертности в ее стенах. А она в Бокко последняя. Еле задавили уroda, и то пришлось свободных на подмогу звать, а то бы он меня без соли сожрал. И хорошо еще, что такие вот кошмарики с места привязки уйти не могут. Точнее, не так: сбежать они могут, но только если их дом разрушить. С подобным мне тоже сталкиваться доводилось. Собственно, ничего странного. Работа у меня такая... та самая, которая по мелочам и о которой семье Рона лучше не знать. Для их же спокойствия и чтобы не пытались запретить. На одних подачках от Толстого Риггара не пожирешь — вот и приходится кру-

таться... благо у старого барахольщика Холла, предпочитающего зваться антикваром, подработка для меня всегда найдется. Ну... почти всегда.

— С добрым утром, Кот, завтрак на столе. Присоединись? — У входа в комнату остановилась Итта, а в глазах чертики пляшут. Наверняка уже в курсе происшедшего...

— Хорошее утро. Иду, — кивнул я.

Вопрос, заданный мне хозяином дома, пригласившим к себе в кабинет после завтрака, как ни удивительно, не стал для меня сюрпризом. Чего-то в этом роде можно было ожидать после той реакции, что выказали Роны в ответ на мое приветствие. Слушающий? Что ж, пусть так. Бар... антиквар Холл звал меня маленьким охотником и сетовал, что таких, как я, в Бокко почти не осталось. А в Сейне, значит, подобных называют слушающими. И здесь тоже таких мало. Уточнение: свободных слушающих мало. А чужих, то есть входящих в окружение проживающих здесь семей или же входящих в сами эти семьи, можно разве что для разовых акций нанимать. Потому как доверять им нельзя.

Собственно, это не мой вывод. Рандон Рона сам объяснил мне эти маленькие тонкости. И не соврал. Хотя сколько правды в его словах, а сколько недоговоренности, мне не определить. Хм...

— Договор? — приподняв бровь, спросил я после окончания короткой лекции.

— О... условия? — приняв тот же тон, выдал Рандон.

— Проживание, еда, деньги, свободное время, — перечислил я и, подумав, добавил: — Возможность частных заказов.

Ну не то чтобы я так уж привязался к Холлу или испытываю нежные чувства к своему нынешнему месту жительства, но барахольщик был прав: других охотников в Бокко нет. И если с мелочью может справиться любой из местных ройнов¹... по крайней мере, из бригадиров — орров, то

¹ Ройн — боец местной мафии, Ройнорры. Орры — соответственно, общее наименование командного состава ройнов.

домового-перерожденца им точно не потянуть. Да и... нравится мне это дело. Охота, адреналин... денежка опять же...

— Что ж... если твои «частные заказы» не будут противозаконны и не нанесут вреда репутации моей семьи, я думаю, мы договоримся, — улыбнулся мой собеседник, оправившись от удивления. Впрочем, если бы не моя чувствительность, черта с два я бы понял, что он удивился. Улыбки улыбками, но выражение лица у уважаемого лона Рандона непроницаемое. — Оговорим подробности?

Я кивнул, и на столе между нами материализовался лист бумаги, который хозяин кабинета тут же начал заполнять мелким убористым почерком. Интересно, а испытательный срок он назначит?.. Назначил. И не только его.

Глава 3 «УЧАТ В ШКОЛЕ, УЧАТ В ШКОЛЕ...»

— Кот! Ко-от! Ты опять проспал!

Я открыл глаза и недовольно взглянул на мечущийся по моей комнате блондинистый ураган. Вот ведь неугомонная девчонка, а? Ну что ей от меня надо? Время... я перевел взгляд на будильник и, обнаружив расколотый корпус и обиженно помаргивающий покрытый трещинами дисплей, охнул. Восемь утра! Черт, я проспал!

Выпрыгнув из постели и не обращая внимания на уже ставший обыденным писк покрасневшей Иммы, я рванул в ванную. Нет, а чего она хотела? Знает же, что я предпочитаю спать нагишом, сколько раз уже так нарывалась, и все равно вламывается в мою комнату, а потом краснеет и пищит... Ну где логика, я вас спрашиваю?! Бл-лондинка...

Я в темпе вальса привел себя в порядок, оделся и, с привычным вздохом обувшись в кроссовки, подхватив стоящий в прихожей рюкзак с парой тетрадей и планшетом, огляделся в поисках куда-то пропавшей Имми.

— Кс-кс-кс... — О, а вот и она. — Ко-от, он снова от меня спрятался.

Девочка вышла из гостиной, оглядываясь по сторонам. Ну да... подозреваю, что Шредер и есть цель ее ежеутренних набегов на мой дом. Счастье хвостатого, что за прошедшие три с половиной года она так ни разу и не смогла его здесь поймать. Да-да, вот уже три года я живу в этом доме. Точнее, три года и три месяца. Первые три месяца испытательного срока, назначенного Рандоном Роной, мне пришлось пожить в «садовом домике» на территории имения его семьи в Сейне. И был этот домик побольше, чем мое нынешнее жилье. Впрочем, мне и здесь неплохо. Кухня-столовая, две спальни, все удобства и... ни одного богатого хлыща из Сейны поблизости. Обычный район Среднего города, как раз за храмом Великого духа. Хорошее место и недорогое... ну, по крайней мере, мне по карману, хотя одной компенсации стоимости съемного жилья от семьи Рона все-таки не хватает. Зато не приходится чувствовать себя должником перед этой семьей.

— Имми, даже я уже опаздываю в школу. А до твоей добираться еще дольше, — заговорил я, чуть ли не за шкирку выволакивая увлекшуюся охотой на Шредера подругу. Да-да... одним из пунктов нашего договора с Рандоном стало требование моей учебы в школе. Возражать? С чего бы? Если бы у меня была такая возможность, я бы еще до встречи с Иммой поступил в учебное заведение. История, география... здесь все другое. Да и аттестат в жизни будет лишним. Только пока я жил в Бокко, у меня даже свидетельства о рождении не было, да и с деньгами, которые могли решить такой вопрос, тоже было не густо. Так что никакая школа мне не грозила. Нет, был вариант сунуться в социальную службу, но окончился бы он приютом, а о них у меня о-очень неприятные воспоминания еще с той жизни.

И тут мне пришлось вынырнуть из своих размышлений.

— Повтори... — Замерев на месте, я притормозил и мелкую блонду, хотя какая она теперь мелкая? Уже полгода от нее парней метлой отгоняю, под хихиканье Итты. Я окинул подругу недоверчивым взглядом.

— Я теперь тоже учусь в Табанае, — улыбнулась Имма и, заметив мое недоумение, пояснила: — Все Рона, начиная со средней школы, учатся только там.

— Все? — уточнил я. Хорошо начинается новый учебный год, ничего не скажешь. М-да, то-то Рандону так легко удалось договориться о моем поступлении в эту школу... Но а как же Итта? Что-то я ее там не видел, хотя к моменту моего там появления она должна была как раз учиться в одном из старших классов.

— Ну это же сестренка, — фыркнула мелкая. — Она у нас гений. И школу закончила на год раньше.

— Поня-атно.

Что я там говорил о долгах и должниках? Кажется, семья Рона кредитовала меня несколько больше, чем я рассчитывал. Впрочем, все в рамках договора, никакой благотворительности. Явной по крайней мере. Ну а скрытой... я тоже умею быть благодарным. Просто придется учесть, что долг семье Рона несколько больше, чем мне казалось.

Школа Табана — оригинальное учебное заведение. Начать с того, что упор в ней делается не на гуманитарные, точные или естественные науки, а на личные способности учеников. Нет, программа общего образования здесь выдерживается не хуже, чем в любой другой школе, но уклон... уклон идет на обучение учеников обращению с имеющимися у них силами. Очень разными силами на самом деле, хотя определяются наклонности по основным стихиям. Пламя, Ветер, Твердь и Вода. Ну и боевые искусства, правда, последние преподаются только факультативно и с разрешения наставников, у которых занимается конкретный ученик. Учитывая, что в городе огромное количество всяческих школ боевых искусств, ничего удивительного в таком положении дел нет. Хотя, как я сейчас понимаю, у большинства учащихся эти самые наставники проживают не в собственных школах, а в домах своих учеников, как мастер Химм в доме Рона.

Мне в этом плане пришлось как бы не проще всех. Никаких склонностей к стихиям при поступлении в школу у меня обнаружено не было, и на всяческие тренировки, турниры и состязания меня не зазывают. А чтобы не злить одноклассников, завидующих моему куда менее напряжному, чем у них, расписанию, я выбрал для себя самый спокойный факультатив — печати и ритуалы. Благо для работы в этом направлении никаких стихийных талантов не требуется. Достаточно наличия силы воли, как называется здесь некий аналог «ци» или «ки», реально существующий аналог, хотя в «прошлой» жизни я в эти вещи не особенно-то верил. Но отрицать наличие здесь подобной силы, когда чувствуешь ее всем телом, было бы верхом глупости. Да и не хотелось мне ограничиваться лишь ее применением к своим физическим возможностям. Ну а поскольку всяческие фаерболы и прочие «водяные плети», как оказалось, мне не светят, вариант с ритуалами и печатями показался достойной альтернативой. Собственно, печати — это те же ритуалы, только составленные заранее... и здесь эта хрень реально работает. От чего меня до сих пор иногда клинит. Особенно когда я начинаю задумываться, каким именно образом воля одного человека может менять реальность вокруг него. К счастью, подобный клин догоняет меня довольно редко.

— Кот, а ты покажешь мне школу? — замерев у входа на территорию Табаны, вдруг тихо спросила Имми.

— Хм... на большой перемене. А что не успеем, покажу после окончания занятий, — кивнул я и, почувствовав робость, накатившую от этой «ядерной ракетки», ухватив ее за руку, повел к месту сбора младших классов. А мелкая даже не попыталась вырвать ладошку из моей лапы, как она это проделывала весь последний год. Ну да, как же, она ведь уже взрослая, скоро пятнадцать исполнится... через восемь месяцев, ага... ее нельзя за ручку водить, сты-ыдно. А тут нет — идет, держится, и ничего, даже успокаиваться начала.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. СТРАННЫЙ	8
Часть вторая. НАГЛЫЙ	67
Часть третья. ЛЮБОПЫТНЫЙ	128
Часть четвертая. И ЛЕНИВЫЙ	189
Часть пятая. КОТ	248
<i>Эпилог</i>	307